

01.11.98

Черепели
Зурб

Интиим не проходящий

Вчера в столичном Малом Манеже открылась «персональная выставка Зураба Церетели, посвященная Инессе».

В профессиональной среде художественные достоинства скульптора Зураба Церетели не оспариваются. Нет предмета для спора. Это деньги, какие тут, прости Господи, художества. Говорить о них — все равно что дискутировать эстетику залоговых аукционов или очередной сделки «Газпрома». Даже противники Церетели обсуждают не какое-то там качество, а всего лишь место. Если бы Церетели украсил своим Петром Мневники, а зверей из Александровского сада разместил в далеком сочинском санатории, число его супостатов решительно бы сократилось. В этом смысле медведи с зайцами у Кремлевской стены гораздо хуже Петра у новодельного храма Христа Спасителя. Соседа жальче. Для Москвы Кремль, что Капитолий для Рима, и своих Церетели там хватает, но монументы Вишненке и Земляничке рядом с Диоскурами: они не ставят. «Всякое безобразие должно знать свое приличие», — говорил Чехов.

Все разговоры о Церетели в конце концов сводятся к мэру. Это стиль «кепка», и, в общем, все равно, кто его воплощает и на нем зарабатывает. Церетели, поименованный пресс-релизом российской Академии, где он служит президентом, «выдающимся художником современности», вовсе не так безусловно ничтожен, как принято считать, — не надо преувеличивать. Он во всех отношениях средний — средний скульптор, средний график, средний живописец, каких можно увидеть повсеместно: на любой выставке ЦДХ, в любом салоне от Нижнего Тагила до Парижа. Про Шилова или Андрияку можно сказать, что они — олеографический кич. Глазунова подымай выше, это Достоевский из ЖЭКа. Церетели при всем своем полнокровии, при всей чувственности, алчности, избыточности и

пр. атрибутах стиля «кепка» — художник «без лица и названия», господин никто. Экспозиция живописи, развернутая сейчас в Малом Манеже, в сущности, анонимна. Не будь под картинами подписи, догадаться об авторстве было бы невозможно.

Жирная пастозная живопись с неряшливым мазком, композиция, как фото на документ, тупо в фас, неважко, портрет это или натюр-

на пресс-конференции: мол, воспримет ли Москва такое непривычное искусство, готова ли она. Готова, давно готова. Москва такое искусство видит последние тридцать лет, было время и привыкнуть.

Единственное, за что можно зацепиться, — красный цвет. В нем есть что-то в самом деле интимное, зурабово. Красное это — страсть, кровь, вино, рыба, август (жатва, плоды, изобилие). Красное это — богатство. Квинтэссенция церетелевского искусства — красный рот, где все красное: губы, язык, десны, все, что едят и чем запивают, что переваривают и выплевывают. Недаром монумент на Тишинской площади, созданный совместно с Вознесенским, прозван в народе шашлыком — красным, с кровью. Народ провидел то, что будет на выставке. Экспозиция живописи — это такая демонстрация своего красного угла, публичное обнаружение личного, уже не близнес, как скульптура, но еще не искусство, скорее прелюдия. Истинное, настоящее действие разворачивается не в Малом Манеже, а в Метрополе, на банкете, и рецензент, поспешивший в редакцию строчить текст, пропустил самое главное.

Все это взывает к анализу только потому, что Зураб Церетели избран президентом Академии художеств, и чревоугодие, видимо, станет господствующим направлением современного изобразительного искусства.

В конце концов не самый худший вариант. Ведущий пресс-конференцию молодой человек, рыжий и интеллигентный, надо полагать, из числа ближайшей свиты, все время говорил: «многогранное творчество Зураба Константиновича... Зураб Константинович запечател... Зураб Константинович охватил...», как на банкете, путая художника Зураба Церетели с частным лицом Зурабом Константиновичем, а официальное представление — с тостом. Противная путаница, но в ней и в самом деле единственный смысл выставки.

Александр ТИМОФЕЕВСКИЙ

Портрет букета на документ

морт. Люди, люди, цветы, цветы. Натюрморт, впрочем, тоже своего рода портрет — портрет вазы на документ. Средняя во всем, живопись эта и средне образованная: от картины к картине набирается пантеон известных автору предшественников — Сезанн, Модильяни (по части шеи), Пикассо, Кандинский, Сутин, Нольде — весь джентльменский набор левого МОСХа и прогрессивного искусства социалистических стран. Живопись ГДР шестидесятых годов. И чистым недоразумением выглядят опасения самого Церетели, высказанные им

Зураб Церетели — широкая натура